

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТУЛА МОЛОДАЯ

Юлия Макеева
(г. Щекино)

Работает юристом в Тульском государственном университете в отделе правового сопровождения хозяйственной деятельности. Дипломант конкурса «Хочу спеть свою самую главную песню» (2007 г.). Пишет стихотворения, акrostихи, увлекается написанием рондо. Имеет публикации в литературном журнале «Приокские зори», коллективном сборнике «Отчий край», хрестоматии «Три века тульской поэзии», литературном сборнике «Созвучие» (Москва). В настоящее время является участницей областного музейно-литературного объединения «Муза» при Доме-музее В. В. Вересаева; руководитель — поэтесса, член Союза российских писателей В. Ю. Ткач.

* * *

Жизнь — это просто боль,
Сильная изначально.
Жизнь — это просто роль,
Данная не случайно.
Жизнь — это просто миг,
Временем — измеренье.
Жизнь — это просто крик
Нового поколения.

* * *

Не страдаю больше о судьбе,
В ней же ведь по-разному бывает.
Птицу на далекой высоте,
Да и ту беспечно убивают.
Мне, как ей, не скрыться от разлук,
Не забыть последнее мгновенье.
Я умру. И выпадет из рук
Строчка моего стихотворенья.

Эдуард Мартышев
(г. Щекино)

ПАВЕЛИХА И ПОТАПЫЧ

Родился в городе Щекино Тульской области 8 сентября 1974 г. Закончил Тульский Государственный Университет (горный факультет в 1996 г.). Работает на Севере в ЯНАО. Пишет с 17 лет. Печатался в газетах и журналах «Тула», «У засечной полосы», «Приокские зори», «Югорская звезда», «Ямальский меридиан», «Обская губа», «Литературный факел», периодических изданиях «Красный Север», «Рабочий Надьма», «Северяне», «Транспорт газа».

Лауреат премии «Белая птица — 2010», победитель открытого городского конкурса литературного творчества «Автора!» в жанре очерк за 2011 г., город Салехард.

— В жизни все бывает, но не каждому достается

Кирилл Кюдов

Павелихе в ту пору мало не восемьдесят стукнуло, а избушке, в которой старуха век коротала, и того более — почитай что за сотню перевалило... Тут же садик — пяток яблонек, рядом с домиком — подвальчик в землю врос — травы на нем по лету по пояс...

Жила Павелиха одна — старика лет пятнадцать уже как схоронила. Отнесли его недалече — рядом церковь (пройти через улочку, да через овражек подняться), а там и погост расположился — весь крестами усеянный. Поплакала, погоревала горемычная над свежей могилой, да делать нечего, с годами с потерей смирилась — жизнь на месте не стоит, бежит потихоньку. Вот и она дальше судьбе своей навстречу пошла — только теперь уж не вдвоем, а в одиночку...

Пенсию заработала Павелиха «хорошую», только уж очень маленькой она была, хотя трудилась крестьянка всю жизнь в колхозе, спины не разгибая. Стол ее разнообразием не отличался — все по простому, да и много ли, если разобраться, старушке для пропитания надо — ложку того, да кусочек этого. В принципе, по ее словам, разносолов она и раньше не видала — откуда ж им взяться в этой лесной глухомани...

Павелиха и раньше-то была невысокой да худенькой, а с годами и вовсе усохла, сгорбилась, клюки из рук не выпускает. Но сказать, чтобы сиднем сидела, себя жалючи, так нет — такого за старухой отродясь не водилось. Ни дня, ни полдня, ни часочка не прошло, чтобы она по дому, да по двору, да на реденьких коротеньких грядочках (в три лошадиных шага) что-либо, ну хотя бы самую малость не делала. Потихонечку да полегонечку семенит, земле матушке в пояс кланяется, что то собирает, сажает — и на часы не глядит, копаются по чуть-чуть — работает старушка, трудится...

Только вот хвори-болячки да немощи раньше незамечаемые (потому как недосуг, делов то, делов — неохватно) теперь Павелиху в полон взяли, власть над ней возы-

мели — кандалами пудовыми на ногах повисли, руки по утрам выворачивать стали. В прошлом году коровку пришлось со двора свести — силенок на уход уже не хватало — старость, немощь, да нужда всегда под руку идут — всяк другого за собой тянет. А все же борется с ними старуха, не поддается.

Из всей животинушки в хозяйстве и без того невеликом осталось три старых голенастых курицы да пара кошек блудливых и наглых, приходящих по настроению. Ну да ничего, ей и этого вполне хватало — бегают что-то по двору, да и ладно.

В ту пору лето в миру властвовало на солнечные деньки щедрое. Теплые дожди и грозы отмеряло без скупости — полновесною мерою — благодать, да и только. Земля соками наливалась — урожаями богатела. Леса — перелески людская молвь наполнила — грибы из трав приподнялись, ягодники заалели. Местные деревенские и соседи (с ближних Козловки да Уваровки), с ведрами да лукошками — куда как засветло, все на промысел — народ запасливый здесь, основательный. Подвалы у всех огромные, а семьи иные — до десятка душ имеются, и кормить-то, как известно, всех надо — картошка картошкой, а лесной гостинец малышне ох как по душе приходится!

Мужики — кто на заработки, кто рублики, заработанные в колхозе, потратить в город подались (это из тех, кто не спились да не опустились совсем). В деревне, как известно, особо монет не заработаешь, не разгуляешься — работы много, а приварка чуть-чуть. Ну а женская половина, соответственно, «воз» на себе тащит по старинке — от зари до зари кружит, заботами одолеваемая... Хорошо, если детишки в семье толковые растут — с малолетства в ярмо с матерью впрягаются, рядышком по «борозде» идут — тянут изо всех своих невеликих силенок, помогают... А иначе беда...

Начали в деревню «купцы» наведываться каждую среду и субботу (в предбазарные дни) — грибы да ягоды закупать. В тех местностях перекупщикам раздолье всегда было: до города сорок верст всего, а дороги — одно название — не всякая машина доберется. Дадут цену промеж себя договорную — копеечную конечно, а уж опося, в город возвернувшись, на рынке мало не впятеро ее подымут (выручку сами считайте) — и берут, берут родимые горожане, да еще и вдругорядь заказывают.

Бабам да ребятишкам, несмотря ни на что, это прямая выгода — день-деньской в лесовище промыслом занимаются, копейку к копейке складывают да промеж себя толковище ведут — кому чего к осени (к школе, значит), прикупить.

И купцы довольны — барыши подсчитывают, ящики да мешки в машины (старые видавшие виды «газончики») грузят. Но до чего ж неприятный, все же, этот торговый люд — так и норовят жителей глубинки обмишурить, хотя б на пятак, на копеечку, а поднагреться — медяки считают, аж трясутся — рыба кость...

Так вот Павелиха — когда помоложе была, сама на «промысел» ходила и носила грибы-ягоды на продажу, всегда с торгашами спорила (спуску им не давала), а ныне, а ныне... и ноги, как не свои, и спина не разгибается, да и зрение стало уже совсем не то...

Но вот как-то и ее однажды пробрало: в субботу позапрошлую проснулась она засветло (соседские петухи еще подремывали), сползла со скрипом с постели, умылась, прибралась. Чайку быстренько спроворила: сахарку ложечку (больше никогда не ложила, раньше — дорого было, а теперича жалко). Был бы пряник, размочила бы пряник — зубов то, почитай, совсем не осталось (кое-как четыре корешками держатся). Так пряника нет (в сельпо не завезли) пришлось попить с сухарями. И, поглядывая в полумрак за окном, ни с того ни с сего вдруг поймала себя на мысли, что хочется ей грибного супца наварить (духмяного да с пережарочкой) и исключительно сегодня. Пойду, решила Павелиха, и я прогуляюсь, а то, не ровен час, и мхом покрываться вскорости начну... Может там чего и сыщу — Бог дасть...

Пока оделась старушка, пока лукошко в темной кладовке разыскала — уже окончательно рассвело. Сапоги на ногах, очки на носу, плат на плечах. Пошла... Даже калитку закрывать не стала — прикрыла и двинула дальше — клюка в левой

руке, лукошко — в правой. Прошла вдоль своего старенького скособоченного заборчика, спустилась в низинку, прошаркала неподъемными сапогами через бревенчатый мостик и, перекрестившись на ходу, продолжила путь, устремившись к синевшему невдалеке лесу...

Хорошо, что дом у околицы стоит — через деревню идти не надо, народ-то сам знаешь какой: «Кто? Куда? Зачем?» — все памороки забьет да еще, может и сглазить ненароком... От дома до леса — рукой подать, молодой Павелиха стрелой туда за пару минут доносилась — глазом не уцепишь, до того быстра была. А теперича шаг мелкий, семенящий, дробный — с одышкой да с перекурами. Но все равно довольной была старушонка — тихо радовалась тому, что вновь на белый свет выбралась — по тропинке утопанной сама идет, да вольным воздухом дышит. Солнышко ей улыбается по-свойски приветливо, теплом золотистым согревает. Птахи над головой летают всякие-разные — поют, заливаются, друг другу радуются. Земля-кормилица встрепенулась, пробудилась от их веселых озорных трелей. Травы росы смахнули, потянулись к синему небушку, ветерок меж ними разгуливает, косы зеленые расплетает.

Через час, никак не ранее, ступила Павелиха в тень вековых сосен и в заметно ощутимом (загудели ноги) изнеможении уселась на ближайший (с хороший стол размером) треснувший посередине пенёк. И сидела на нем, пока боль в ногах и спине совсем не утихла — может час, а может, и более. Когда спина немного отошла, а сердце утихомирилось, Павелиха устремилась (громко сказано!) скорее — медленно и осторожно, пошла далее — бережно переставляя ноги, внимательно (подслеповато) вглядываясь в непроглядную зелень леса. Но даже и слепому стало бы ясно, что здесь искать уже нечего — грибки всю траву утоптали да все, что в лесу росло, давно обнесли. Походила, походила старушка — нетути грибов в лесу, как косой скосили — только срезы тут и там грибные виднеются. Туда-сюда прошла — ни одного гриба не нашла — да что ты делать будешь — вот незадача то!

Кружила-кружила Павелиха да вконец утомилась (круги перед глазами заиграли), но искать лесные дары продолжала и, между тем, все дальше в чащу уходила. Сколько-то еще вглубь леса прошла и лишь пару подосиновиков сыскала — маленькие (видать, только что проклюнулись), но, правда, толстобокие. «С почином!» — порадовалась и поздравила себя Павелиха. И даже ногам больным вроде полегче стало — не впусую все же землю меряют. Еще пару часиков незаметно пробежало и лукошко ее было уже наполовину полное — в березнячке немного свезло — удалось подразжиться.

Устала старушка, очень устала... Решила передохнуть, а тут и полянка земляничная очень даже кстати появилась — ягод на ней — не обобрать, обсыпные да крупные — одна к одной — как нарисованные. Села бабка в траву — сидит, ягодой любитесь. Ноги вытянула, в небо посматривает — солнышко косточки старые согревает, тепла не жалеет — хорошо...

Сидела, сидела Павелиха, потом на траву прилегла да и уснула. Лежит на пригорке — платком голову накрыла, ветерок по траве пробежал — плат приподнял, на бабку глянул, волосы ей пригладил и через миг дальше по делам своим скорым отправился...

Вдруг неподалеку шевельнулись кусты и на полянку вывалился, озираясь и принюхиваясь, медведь... В последние дни зверю покоя в лесу совсем не стало — люди везде и всюду: кричат — глотку дерут, кусты трещат — деревья гнутся! Медведь колодой в болоте эти дни пролежал и только по вечерам решался в лес выходить, чтобы съестного сыскать — быстренько подхарчиться да назад в болото...

Вот и сейчас — еле дождался своего часа! Ягод уж очень косолапому захотелось, да как захотелось — просто спасу нет! А ягод-то, ягод в лесу — видимо-невидимо. Медведь тихонечко заурчал, в брюхе радостно отозвалось — объедалово... И пошло

веселье: лапами медведь на себя гребет, пастью кустики охватывает — заедает. С листвою вместе чавкает — глотает сладкую кашу, жмурится, от удовольствия на спину падает, до того ему занятие это по душе...

Медведь на поляне «жирует», а чуть повыше по склону бабулька начала по птичьей трели (носом) выводить. Потапыч прислушался к непонятным звукам, забеспокоился — ушами запрядал, нос сморщил — воздух на себя потянул... Зверю снизу-то не видать, кто это там, на пригорке распелся.

А Павелихе снилось ее босоное детство: снился сад белым цветом завьюженный (почему-то соседский). А в том саду цветы — глаз не оторвать — она таких никогда не видела! Ни с какими другими несхожие — золотисто мерцают, переливаются, и вроде музыка звучит тихая-тихая над всем этим великолепием, а до чего ж душевная — не передать... И захотелось ей потрогать, погладить эти цветы, во сне, в принципе, все возможно... Идет она — быстро идет (ничего не болит, не ломит), а цветы ей навстречу сами тянутся, меж собой перешептываются...

Медведь осторожно крадется верх по склону, под лапами даже и трава не гнется — шаг, снова шаг, и еще, и еще, и... Углядел корзинку, а рядом с ней и «птаху лесную» обнаружил... Ай, да соловей — старушка лежит, не шелохнется... Обошел ее медведь кругом — приглядывается, глазом косит... Остановился, лапами тихонько перебрал и уже совсем рядом с Павелихой застыл истуканом...

Зверье человека не глупее да и в разы осторожнее, но любопытство, любопытство... Вот и медведь не удержался — башку лохматую наклонил, носом в платок зарылся — дух человеческий вдохнул и, шею вытянув, к бабкиным седым прядям потянулся...

А Павелиха в снах своих уже добрела до цветов, вот они в двух шагах всего — раз, два — вот они гляди... Ухватила самый красивый (будто в короне) — золотая пыльца облаком поднялась...

Медведь в этот момент всматривался в лицо старушки, и его влажный нос застыл всего в паре сантиметров от ее морщинистой щеки...

Павелиха вдохнула окутавшее ее облако и, и, и — громогласно чихнула, а потом вдогонку — еще разок...

Оглушительно на весь лес взревел испуганный Потапыч и, не разбирая дороги, ринулся от старушки прочь. Затрещали кусты, захрустел валежник — будто табун лошадей, невидимый, но многочисленный, устремился в сторону близлежащего болота...

А Павелиха-то испугалась и, как была, так и порскнула в обратную от шума сторону — все забыла — и годы, и болячки... Рысью бабуля по лесу неслась, забыв платок и оставив на пригорке свою давнюю спутницу — сучковатую клюку, но все же не упуская из рук лукошка, сама не зная почему — грибного супца, наверное, старушке очень хотелось... Домой старушка не дошла — рысцей по лесной тропинке прискакала...

С тех пор Павелиха в лес не ходила, но на ноги уже не жаловалась — видать, Потапыч старушку в лесу славно подлечил...

